

«ВОСКРЕШЕНИЕ» КАРОЛИНЫ ПАВЛОВОЙ

Отношения К.Павловой с современной ей критикой складывались достаточно драматично. В 1863 г. вышел в свет единственный прижизненный сборник ее стихотворений, и рецензии на них, написанные преимущественно в недоброжелательном и даже враждебном тоне, отразили то отношение к ней, которое сложилось в это время в русском обществе. Ее стихи даже не критиковали всерьез, а словно отмахивались от них, а порой и посмеивались над ними.

Характерным примером может служить заметка В.А. Зайцева, появившаяся без подписи в «Библиографическом листке» «Русского слова». С откровенной иронией автор пишет: «Стихотворения г-жи Павловой доказывают, что поэзия еще находится у нас в детском периоде своего развития, но могут нравиться самым развитым умам» [6, с. 28]. И уж совершенным издевательством было написать о почти шестидесятилетней поэтессе такое: «Вообще же г-жа Павлова пишет очень мило и начинает подавать большие надежды. Я не сомневаюсь, что лет через двадцать из нее выйдет перл русской поэзии» [6, с. 30–31].

Не скрывает своего пренебрежительного отношения к поэтессе и анонимный рецензент «Библиотеки для чтения». «Г-жа К. Павлова, – пишет он, – возымела пренесчастную мысль собрать и издать свои стихотворения, и притом сделать это в наше, поистине скептическое время. До сих пор в публике о даровании ее и роде таланта существовало, конечно, весьма смутное, но, по крайней мере, довольно благоприятное впечатление<...> Что же вышло? Туманный покров, облекающий поэтическую фигуру г-жи К. Павловой, рассеялся пред испытующим, грубо положительным взглядом нашего времени» [17, с. 80–81].

За богатством и разнообразием содержания, по его словам, нельзя увидеть «какого-то единства и так называемого направления» [17, с. 81]. И вот окончательный приговор, завершающий рецензию: «Ни меткого своего слова, ни смелого, вновь созданного оборота речи, ни одного из тех даже внешних приемов, которые всегда отличают истинного поэта, не встретишь в книжке г-жи Павловой. Риторика и претензии – вот что в ней поражает постоянно» [17, с. 86].

Наиболее принципиальную и беспощадную оценку сборник получил в «Современнике», опубликовавшем рецензию М.Е. Салтыкова-Щедрина. Начинаясь она так: «Г-жа Павлова занимает в русской литературе одно из самых видных мест: она чуть ли не единственная в настоящее время представительница так называемой мотыльковой поэзии. Мотыльковой поэзия эта называется по имени мотылька, самого резвого, но вместе с тем и самого легковверного из насекомых, а происходит она по прямой линии от знаменитой песни о чижике, потом проходит сквозь кн. Шаликова и г.

Шевырева и заканчивается г-жою Павловой. Вся эта поэзия есть не что иное, как стихотворное применение приятных манер к случайно встречающимся на пути предметам» [16, т. 5, с. 310].

Выступая против мелкотемья и отстаивая искусство общественно-значимое, Щедрин использовал в полемических целях стихотворение Павловой «Мотылек», которое, как мы постараемся показать, было истолковано им односторонне и пристрастно. «О, мотылек! – иронизирует критик, да о чем же вы хотите знать, чем вы интересуетесь? Чем вас можно утешить, милое, невинное создание?» [16, т. 5, с. 314–315]. Мотылек старается не обращать внимания на историю, бежит от действительности, в которой его, чего доброго, раздавят. Стихи Павловой, утверждает критик, «не что иное, как лепет галантерейной души, по местам вовсе лишенный смысла», «все живое представляется ей мертвым, все мертвое – живым. Какой фокус-покус происходит в это время в ее сознании, посредством какого ряда умозаключений приходит она к такому неестественному результату – это тайна из категории тех самых тайн, при помощи которых человек делается мотыльком» [16, т. 5, с. 313, 315].

На три с лишним десятилетия имя и творчество Павловой были преданы забвению, и ее «воскрешение» началось лишь в самом конце XIX века. Предметом собственно историко-литературного изучения биография и творчество Павловой становятся после ее смерти, в самом конце XIX века. Вскоре после того, как известие о смерти поэтессы пришло в Россию, на это событие откликнулся в «Русском архиве» его издатель П.А. Бартенев [2]. Он восстановил основные вехи ее творческого пути, отметил мастерское владение языком, помянул неудачно сложившуюся семейную жизнь и длительное предсмертное пребывание в Дрездене.

Тогда же предметом внимания стал такой заметный эпизод биографии поэтессы, как ее роман с Мицкевичем. Первой попыткой его специального рассмотрения явилась статья К. Хроневича «Мицкевич и Каролина Яниш» [19]. Здесь выстроены факты, позднее ставшие хрестоматийными: знакомство Мицкевича с будущей поэтессой в салоне Зинаиды Волконской, приглашение его на роль учителя польского языка, брачное предложение и полученный на него отказ, последующее охлаждение Мицкевича к идее этого брака, вызванное как его нерасположенностью к супружеской жизни, так и стремлением уехать на Запад.

Позднее этим событиям уделяет определенное внимание А.Л. Погодин в своей книге о Мицкевиче [13]. Опираясь, главным образом, на анализ писем, которыми он располагал, биограф польского поэта приходит к выводу, что чувство Каролины не вызывает сомнений, что же касается Мицкевича, то, «по-видимому, он готов был одно время жениться на Каролине, но полюбил ли он ее, это сомнительно. Во всяком случае, не страсть, а только нежное чувство симпатии возбуждала в нем эта девушка» [13, т. 2, с. 33]. Отношениям Павловой с Мицкевичем уделил должное внимание и Брюсов во вступительной статье к подготовленному им

двухтомному собранию ее сочинений, не добавив, однако, ничего существенно нового к тому, что говорилось раньше.

В начале XX века интерес к Павловой переживает заметный всплеск. Выходит первое собрание ее произведений и первая, пока единственная книга материалов о жизни и творчестве. Павлову дружно и единодушно называют «забытой», но при этом «вспоминают», восстанавливают факты биографии, оценивают творчество. «В наши дни почти забыта», – пишет в 1914 г.

Н. Ашукин [1, с. 29]. При этом одни настаивают на необходимости ее «воскресить», другие, не менее убежденно, доказывают, что она этого не заслуживает. Но вот что парадоксально: сама атмосфера этих споров знаменует своего рода воскрешение, после чего интерес к поэтессе спадает так же внезапно, как и возник, и ее имя надолго исчезает со страниц литературоведческой периодики.

Одним из первых, кто в начале XX века напомнил о Павловой, был известный юрист, литератор и общественный деятель А.Ф. Кони. 17 января 1903 г. он выступил в литературно-художественном кружке имени Я.П. Полонского с докладом «О Каролине Павловой». На материале этого доклада был написан очерк, опубликованный в 1918 г. в журнале «Европа». Хотя этот очерк традиционно включается в книгу Кони «Воспоминания о писателях» [10], он не носит мемуарного характера, никакой информации об общении или хотя бы знакомстве Кони с Павловой нет, да оно и маловероятно, если вспомнить, что когда 56-летняя Павлова навсегда покинула Россию, Анатолию Федоровичу не было и двадцати лет.

Очерк написан эмоционально, пронизан стремлением прервать в отношении Павловой забвение, которое Кони считал «прямой несправедливостью». Несмотря на свой небольшой объем, он вместил немало пронизательных оценок некоторых стихотворений поэтессы («Средь зол земных, среди суеты житейской», «послания к Языкову», «Разговор в Трианоне»), к которым предстоит вернуться в процессе предстоящего анализа ее лирики.

Н. Кадмин не только отводит Павловой заметное место в своей «Истории русской поэзии», но и предлагает объяснение того оживленного внимания к себе, которое вызвала поэтесса: «Среди поэтов 30-х и 40-х годов, – пишет он, – выделяется своей оригинальностью и экзотичностью мотивов поэтесса Павлова (Яниш); темы и замыслы ее стихотворений и поэм совершенно не в духе ее времени и гораздо ближе к темам поэзии неоромантической» [8, с. 134]. Под поэзией неоромантической автор явно разумеет поэзию символизма, что подтверждается и следующими словами: «У нее есть мотив огня, похожий на позднее разработанный тот же мотив у поэтессы Лохвицкой, с которой у Павловой есть некоторая близость» [8, с. 135].

В 1915 г. выходит в свет двухтомное собрание сочинений К.К. Павловой, подготовленное В.Я. Брюсовым [11]. Хотя собрание это не было полным, о чем его составитель не только уведомил в предисловии, но и привел обширный перечень не включенных в него произведений, его выход

знаменовал собой важнейшую веху в истории издания и изучения Павловой. К сожалению, остались неиспользованными архивы поэтессы, которые в то время были, естественно, намного богаче, чем в наши дни. Брюсов опирался в основном на собрание стихотворений, появившееся в 1863 г., и другие прижизненные публикации.

Если корпус поэзии Павловой был значительно пополнен изданиями, выпущенными в годы советской власти в Большой серии «Библиотеки поэта», то со времени брюсовского издания не переиздавалась проза Павловой, включенная во второй том: «Мои воспоминания», «Воспоминания об Иванове», «Письмо к А. Иванову», «Письмо в редакцию “Современника”», а также написанный в 1859 г. в Дрездене и тогда же опубликованный в «Русском вестнике» прозаический этюд, который трудно отнести к какому-либо определенному жанру, – «За чайным столом».

Изданию было предпослано «Предисловие. Материалы для биографии К. Павловой» [11, с. III–XLIX], которое явилось первой попыткой создать биографический очерк поэтессы. Первый вариант этого очерка Брюсов напечатал в журнале «Ежемесячные сочинения» [4], а сюда он вошел в доработанном виде и пополненным новыми сведениями. Основное внимание биографа привлекают такие обстоятельства жизни Павловой, как отношения с Мицкевичем и с Языковым, обстоятельства женитьбы Павловых и их семейного разлада, сближение с А.К. Толстым, одиночество и утрата интереса к окружающему в последние годы жизни. Главным материалом, на который опирался Брюсов, послужили мемуары современников. И хотя нельзя не отметить, что цитируются они в его предисловии небрежно, с никак не оговариваемыми сокращениями и искажениями, корпус их в целом достаточно велик, и его не следует недооценивать.

Брюсовское издание, естественно, всколыхнуло внимание к Павловой и стимулировало появление нескольких статей о ней. Некоторые из них, как например заметки Н. Кашина в журнале «Книга и революция» [9] не представляют особого интереса, но на других необходимо остановиться.

Б. Грифцов, выступивший в журнале «Русская мысль», безошибочно разглядел и оценил в поэтессе замечательного мастера стиха. Вот примеры таких оценок: «искусный подбор звуков», «немногие уверенно взятые слова» [5, с. 13], «строки, где дана пусть по мысли спорная, но по выражению безупречно точная характеристика», «техническое совершенство» [5, с. 14] и т.п.

В 1916 г. появляются еще две статьи со сходными названиями: «Одна из забытых» В. Ходасевича [18] и «Забытая поэтесса» С. Заречной [7]. «Муза Павловой умна и необаятельна, – писал Ходасевич, – к тому же бывает она скучновата. Холодная и рассудочная, она не из тех, с кем хочется побыть с глазу на глаз, чтобы “отвести душу”. Дело тут не в размерах дарования, а в других его свойствах. Не от сердца, а от сухого разума эти стихи. И странно, – написанные женщиной, они, прежде всего не женственны» [18, т. 3, с. 198].

С. Заречная оценивает Павлову значительно выше. Выразив сожаление, что на протяжении длительного времени она была «забытой», автор рецензии

продолжает: «И только сравнительно недавно наиболее выдающиеся представители современной поэзии (А. Белый, К. Бальмонт и др.) возвращают Каролине Павловой то место на российском Парнасе, которое принадлежит ей по праву дарования» [7, с. 11]. Как бы вступая в прямую полемику с Ходасевичем, Заречная пишет: «Творчеству Каролины Павловой не чужды и чисто женские мотивы. Трагичность женской судьбы находит сочувственный отклик в ее поэзии» [7, с. 12].

Если большинство авторов, писавших о Павловой в эти годы, делали это с целью вернуть ей утраченное внимание читателей и историков литературы, то резким диссонансом прозвучало мнение Б. Садовского, включившего статью о ней в свою книгу «Ледоход». Она открывается таким тезисом: «Преувеличенное внимание к второстепенным поэтам старых годов, выродившееся в какой-то модный спорт, давно уже пора оставить» [15, с. 119]. По мнению автора, незаслуженно забытых поэтов не бывает: если читатели отвернулись от какого-то из них, значит он действительно не нужен.

Вся статья, в сущности, посвящена аргументации того, что Павлова не заслуживает внимания и интереса: «Творчество Каролины Павловой, чуждое действительности и жизни, есть совершенно бумажное творчество. Ни капли крови, ни признака души. Одни чернила да типографский свинец» [15, с. 120].

Среди откликов на брюсовское издание существенный интерес представляет заметка В. Переверзева «Салонная поэтесса» [12]. Хотя она напечатана в библиографическом отделе журнала, она лишь в малой степени, несколькими формулировками напоминает рецензию. По сути же это статья, содержащая в основном негативную и даже неприязненную оценку творчества Павловой. Хотя Переверзеву было тогда лишь 32 года и до тех времен, когда он стал одним из вождей и наиболее последовательных поборников вульгарного социологизма, было еще далеко, в этой небольшой статье явственно прослеживаются предвестия будущего направления: анализ наследия пусть не перворазрядной, но самобытной поэтессы подменяется поисками пресловутого «классового эквивалента».

Вот несколько примеров: «Ее поэзия отразила лишь очень узенький и ничтожный в социальном смысле кружок, а не эпоху. Поэтому она и прошла незамеченной, поэтому ее имя неизвестно читателю. Поэзия Павловой – чистейший продукт великосветской жизни... Поэтический кругозор Павловой страшно узок и далеко не охватывает всей жизни светского круга.... Поэзия Павловой не выходит за стены светского салона, питается исключительно его интересами и по справедливости может быть названа салонной поэзией» [12, с. 186]. А окончательный вердикт критика гласит: «Изучая Павлову, наглядно убеждаешься в том, что даже крупное поэтическое дарование становится бесплодным, разрешается в пустоцвет, раз ему приходится развиваться в лишенной живого творческого содержания социальной среде» [12, с. 188].

Самым содержательным и значительным из всех откликов на двухтомник, подготовленный Брюсовым, безусловно, является большая статья А.И. Белецкого «Новое издание сочинений К.К. Павловой» [3]. И потому что она написана хоть и на заре научного творчества, но все-таки выдающимся историком русской литературы, и потому что изучение творчества русских писательниц середины XIX века было одной из его магистральных тем, которой была посвящена его фундаментальная диссертация, по сей день не изданная полностью и не оцененная по достоинству.

В начале этой статьи Белецкий привлекает внимание к одной из своих излюбленных идей, которую он неутомимо пропагандировал на протяжении всей своей многолетней научной деятельности, – о необходимости изучения так называемых «второстепенных» писателей, без чего неполноценным оказывается и изучение писателей, которые считаются великими, потому что немислимо изучение растения без изучения почвы, которая его взрастила. Исходя из этого, он приветствует выход в свет собрания сочинений К. Павловой и, возможно, несколько выдавая желаемое за действительное, высказывает мысль, что «ко времени выхода в свет нового издания имя Павловой было значительно реабилитировано в глазах читателей» [3, т. XXII, с. 203].

Однако оценка, которую Белецкий дал брюсовскому изданию, оказалась, если не отрицательной, то, во всяком случае, в значительной степени критической. Обнаруживая высочайшую степень осведомленности о наследии Павловой вообще и о текстологии ее произведений в частности, Белецкий отмечает, что те, кто рассчитывал получить полное собрание сочинений Павловой, будут разочарованы, и педантично указывает на многочисленные пропуски. В статье выражено сожаление об утрате или неиспользовании редактором архива Павловой, содержащего письма к ней многих выдающихся русских писателей, представляющего значительный интерес.

Он упрекает Брюсова и в некритическом подходе к текстам стихов, в механической их перепечатке из издания 1863 г., к тому же несвободной от искажений и опечаток. По этим причинам, завершает свой разбор рецензент, «текст нового издания сочинений К.К. Павловой в смысле полноты и опрятности не может называться безукоризненным» [3, т. XXII, с. 216]. Последние страницы статьи содержат перечень претензий к биографическому очерку Брюсова, столь же вдумчивых и обоснованных, как и все ее содержание.

Через год после брюсовского издания появилась первая и пока остающаяся единственной книга о Павловой: Б. Рапгоф. К. Павлова. Материалы для изучения жизни и творчества [14]. Несмотря на небольшой объем, книга Б. Рапгофа заслуживает особого внимания и потому, что это первая книга об изучаемой поэтессе, и потому, что по сей день остается единственным сборником материалов о ней, вышедшим отдельным изданием. Около двух третей текста отведено биографическому очерку, в

котором автор, несколько выходя за рамки обозначенного жанра, попытался, по его собственным словам, «разобраться в творчестве и эволюции мировоззрения К. Павловой» [14, с. 3]. Следует отметить, что этот очерк в значительно большей мере насыщен фактическими сведениями, чем «материалы», предпосланные первому тому брюсовского издания. Он снабжен обширным аппаратом, содержащим ссылки, призванные подтвердить достоверность сообщаемых фактов.

Как и все биографы Павловой, Б. Рапгоф уделяет много внимания ее отношениям с Мицкевичем. Приводя свидетельства ее близости к славянофильству, автор обращает внимание на их немногочисленность, и это, по его мнению, «доказывает, как не глубоко прониклась Павлова славянофильскими идеями... Это направление носило лишь временный и едва ли серьезный характер» [14, с. 19, 25]. Б. Рапгоф постоянно стремится показать как события жизни Павловой, бытовые и семейные неурядицы отражались в ее стихах, и пытается «при помощи исследования ее произведений, получить представление о ее внутренней жизни» [14, с. 41]. И далее: «Угнетенное состояние, в котором находилась Павлова по приезде в Дерпт, нашло яркое выражение в следующей пьесе...» (приводится текст стихотворения «Ты, уцелевший в сердце нищем») [14, с. 41]. Представляют интерес сведения, собранные Б. Рапгофом, о недошедших до нас произведениях Павловой.

Одиннадцать страниц автор уделил «Хронологической канве для биографии К. Павловой». Поскольку она содержит не только даты, но и источники сведений о происходивших событиях, ее можно воспринимать как нечто среднее между двумя распространенными жанрами: перечнем дат жизни и творчества и неким кратким наброском летописи жизни и творчества. В книгу включены также «Список произведений Каролины Павловой по времени первого появления их в печати» и «Библиография» – перечень книг и статей, использованных автором при подготовке его книги, а также два «приложения», включающие публикации нескольких писем и стихотворений, снабженные примечаниями и переводами французских текстов на русский язык.

Книга Рапгофа была первой и долго оставалась единственной книгой о Павловой. Затем наступила новая полоса её «забвения», после которой появились и научные издания ее произведений, и серьезные исследования ее творчества.

Литература

1. Ашукин Н. Каролина Павлова / Н. Ашукин // Путь, 1914. – № 1. – С. 29–37.
2. Бартенев П.А. К.К. Павлова / П.А. Бартенев // Русский архив, 1894. – № 1 – С. 120–123.
3. Белецкий А. И. Новое издание сочинений К. Павловой / А. И. Белецкий // Известия АН, 1917. – Т. XXII, кн. 2. – С. 200–220.

4. Брюсов В.Я. Каролина Павлова / В.Я. Брюсов // Ежемесячные сочинения, 1903. – № 11–12. – С. 273–290.
5. Грифцов Б. Каролина Павлова / Б. Грифцов // Русская мысль, 1915. – № 11. – С. 11–16.
6. Зайцев В. А. Библиографический листок / В. А. Зайцев // Русское слово, 1863. – № 6. – С. 16–46.
7. Заречная С. Забытая поэтесса / С. Заречная // Мир женщины, 1916. – № 4. – С. 11–12.
8. Кадмин Н. <Абрамович Н.Я.> История русской поэзии / Н. Кадмин. – М., 1914. – Т. 2. – 468 с.
9. Кашин Н. К сочинениям К. Павловой / Н. Кашин // Книга и революция, 1921. – № 3–4. – С. 121–122.
10. Кони А.Ф. Каролина Павлова / А.Ф. Кони // Воспоминания о писателях – М.: Правда, 1989. – С. 560–565.
11. Павлова К.К. Собр. соч. Т. 1–2. / К.К. Павлова // Ред. и материалы для биографии К. Павловой В. Брюсова. – М.: К.Ф. Некрасов, 1915.
12. Переверзев В. Салонная поэтесса / В. Переверзев // Современный мир, 1915. – № 12. – С. 185–187.
13. Погодин А.Л. Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество / А. Л. Погодин. – М.: Изд. В.М. Сабина, 1912. – Т. 2. – 350 с.
14. Рапгоф Б. К. Павлова. Материалы для изучения жизни и творчества / Б. Рапгоф. – Петроград: Трирема, 1916. – 87 с.
15. Садовский Б. Каролина Павлова // Садовский Б. Ледоход: Статьи и заметки / Б. Садовский. – Пг., 1916. – С. 119–121.
16. Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: ГИХЛ, 1937. – Т. 5. – С. 310–315.
17. Стихотворения К. Павловой // Библиотека для чтения, 1863. – № 8. – С. 80–86.
18. Ходасевич В. Одна из забытых / В. Ходасевич // Новая жизнь. – М., 1916. – Т. 3. – С. 195–198.
19. Хроневиц К.Е. Мицкевич и Каролина Яниш / К.Е. Хроневиц // Исторический вестник, 1897. – № 3. – С. 1080–1086.

Анотація

У статті аналізується «сплеск» інтересу до Павлової, який мав місце останніми роками XIX і перші два десятиліття XX століття. Найбільш важливою подією цього періоду був вихід двотомного зібрання її творів, підготовленого В.Я. Брюсовим і що зберегло певну цінність до наших днів. Аналізуються рецензії на це видання, у тому числі проблемна рецензія молодого О.І. Білецького, перша книга про Павлову, автором якої був Б. Рапгоф.

Ключові слова: відродження, поезія, біографія, творчість, епізод, мистецтво, мотиви.

Аннотация

В статье анализируется «всплеск» интереса к Павловой, который имел место в последние годы XIX и первые два десятилетия XX века. Наиболее важным событием этого периода был выход двухтомного собрания ее сочинений, подготовленного В.Я.Брюсовым и сохранившее определенную ценность до наших дней. Анализируются рецензии на это издание, в том числе проблемная рецензия молодого А.И.Белецкого, первая книга о Павловой, автором которой был Б.Рапгоф.

Ключевые слова: воскрешение, поэзия, биография, творчество, эпизод, искусство, мотивы.

Summary

The article contains the analysis of «the splash» of the interest to Pavlova, which took place the last years of XIX-th and first two decades of XX-th centuries. The most essential event of this period was an output of the two-volume of her works, collected by Bryusov, saving a certain value to our days. There are analysed reviews of this edition, including the problem review of young Beletskiy, the first book about Pavlova, the author of which was Rapgof.

Key words: revival, poetry, biography, creative work, episode, art, motives.